

В. Г. Белинский

**Портретная и биографическая
галерея словесности, наук,
художеств и искусств...**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Портретная и
биографическая галерея
словесности, наук, художеств
и искусств в России. I.
Пушкин и Брюллов
(Портреты – Соколова)**

«...Во-первых, что за странное заглавие: «Портретная и биографическая галерея словесности, наук, художеств и искусств в России»? Есть ли тут смысл и выражает ли это содержание тетради? Нисколько! – Потом, что такое – художества и искусства? Неужели это не одно и то же, а два разные предмета?.. »

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Портретная и
биографическая галерея
словесности, художеств и
искусств в России. I. Пушкин
и Брюллов (Портреты –
Соколова)**

*ПОРТРЕТНАЯ И БИОГРАФИЧЕСКАЯ ГА-
ЛЕРЕЯ СЛОВЕСНОСТИ, ХУДОЖЕСТВ И
ИСКУССТВ В РОССИИ. I. Пушкин и
Брюллов. (Портреты – Соколова).
Санкт-Петербург. В типографии Кар-
ла Крайя. 1841. В 4-ю д. л. 14 и 10 стр.*

В декабре месяце прошедшего года вышла в Петербурге огромная программа, всех удивившая, многих насмешившая, а некоторых и оскорбившая. Программа эта гласила, что-де будет издаваться «Портретная галерея» всех великих людей земли русский, с их жизнеописаниями. Дело доброе! – сказали мы, думая увидеть портреты Петра Великого и его сподвижников – Меншикова, Миниха, Остермана и др.; Екатерины Великой, Румянцева, Суворова, Потемкина, Ломоносова, Державина, Фонвизина и прочих знаменитых и замечательных лиц ее царствования; из новейших – Озерова, Батюшкова (которого можно считать как бы умершим){1}, Веневитинова, Дельвига и, наконец, Пушкина; – но каково же было наше удивление, когда мы заметили, что, во-первых, в программе помещены имена большею частию живых лиц, которых биографии странно было бы читать, и, во-вторых, что многие из великостей и знаменитостей напоминают собою стихи Крылова;

*Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной го-
ловки!{2}*

Удивительно ли после этого, что многие были оскорблены внесением их имен в забавную программу, – потому ли, что не считали себя великими людьми, или потому, что находили для себя как-то странным красоваться в ряду некоторых «великих людей»!.. Но вот наконец вышла первая тетрадь с портретами и биографиями Пушкина и Брюллова[1]. Взглянем на нее.

Во-первых, что за странное заглавие: «Портретная и биографическая галерея словесности, наук, художеств и искусств в России»? Есть ли тут смысл и выражает ли это содержание тетради? Нисколько! – Потом, что такое – художества и искусства? Неужели это не одно и то же, а два разные предмета?.. Или, может быть, чем больше слов в заглавии, хотя бы и наудачу поставленных, тем эффективнее действует это заглавие на добродушие того круга публики, для которого выдумана эта спекуляция?..

Но содержание еще лучше заглавия. Не говорим уже о том, что тут видны следы руки, которая *гальванически хваталась за перо, когда автора пронизывало вдохновение* (не на-

зывайте наших слов галиматьею: это слог «биографий Пушкина и Брюллова»), – но посмотрите, бога ради, что это такое: «В ответ на выходки парижских журналов, Пушкин *отгрянул* патриотическим стихотворением «Клеветникам России», в котором каждый стих был скован (!) из любви к родине и из народной гордости; тут же вспомнил он бородинскую годовщину и *справил* ей тризну в стихотворении под тем же именем; потом *шутит* несколькими русскими сказками», и пр. (стр. 12){3}. Или еще вот это место: говоря о том, что Брюллов, будучи ребенком, беспрестанно срисовывал на аспидной доске попадавшие ему на глаза предметы и, беспрестанно стирая и перерисовывая одну и ту же вещь, приобрел верность взгляда и руки, – автор биографии говорит: «*Не мудреного*, после этого, что линия правды в рисунке так чисто звенит теперь перед художником...» Скажите, пожалуйста, что это такое? Невинная шутка над читателями или насмешка над именами людей, не заслуживших, кажется, насмешек?..

Но это еще не главное: это только смешно,

а есть странности еще удивительнее. Биография гласит: «*Слава «Библиотеки для чтения»* возбудила в нем (в Пушкине!) желание основать свой собственный журнал, который с 1836 и стал выходить в свет, под именем «*Современника*», по четыре книжки в год. Пушкин, при своих *довольно стесненных обстоятельствах*, полагал большие надежды на успех этого издания, но *результат* не оправдал его ожиданий» (стр. 13). Здесь что ни слово, то неправда, и неправда, оскорбительная для памяти великого русского поэта.

Во-первых, Пушкина никогда не обольщала *слава «Библиотеки для чтения»*: доказательством может служить то, что на другой же год этого издания он снял с него свое имя и потом перестал в нем участвовать. Если он в первый год издания «Библиотеки для чтения» давал в этот журнал свои произведения, то потому только, что думал в нем видеть просто *библиотеку для чтения* – сбор статей, издание книгопродавца Смирдина (с которым одним он и имел дело, давая в его сборник свои пьесы), а не потехи над наукою, искусством и литературою, которые со второго же

года существования «Библиотеки для чтения» начали составлять основные, характеристические черты ее{4}. «Современник» Пушкин стал издавать нисколько не по соревнованию к славе (очень сомнительной!) «Библиотеки для чтения», а для того, чтоб Россия имела хоть одно издание, где находили бы себе место талант, знание, достоинство и независимое от торговых соображений литературное мнение{5}. Успех «Современника» вполне оправдал ожидание Пушкина: без всякой программы, одним своим именем, тотчас же приобрел он себе более тысячи подписчиков, чего для него было слишком довольно, ибо четыре книжки его журнала требовали самых ничтожных расходов{6}.

Далее «биография» рассказывает: «Звезда Пушкина как будто начинала клониться к закату. Публика, всегда ожидавшая от великого поэта великих творений, замечала, быть может несправедливо, ослабление его гения. Явный упадок всеобщего удивления (?) при выходе в свет последних плодов пера поэта сильно огорчал его. *Пушкин сделался раздражительным*, и – странно сказать (!) – *Пушкин*

завидовал некоторым новым талантам» (стр. 12–13)... Нет, это уж верх отваги! Где доказательства этой зависти? Кому завидовал Пушкин? Кому мог он завидовать? Где эти новые таланты, которые появились в последнее время его жизни? Уж не Гоголь ли? Но Гоголь был другом Пушкина и благоговейно чтит его. Пушкин прежде всех поспешил указать публике на новое великое дарование, так неожиданно блеснувшее в неизвестном тогда авторе «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: он написал в тогдашних «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» (1832 г.) статью, в которой изъявил все свое удивление к новому, молодому таланту{7}. Гоголь не печатал ни одного своего произведения, не показав его наперед Пушкину – и только одному Пушкину; со смертью же Пушкина он почти совсем замолк, как бы лишаась истинного своего ценителя, благословлявшего его на делание и вызывавшего на подвиг...{8} Или не Кольцов ли этот новый талант, которому завидовал Пушкин? Но Кольцову Пушкин не мог завидовать, а напротив, он радушно принял и обласкал его... Позвольте – мо-

жет быть, дело в том, что Пушкин не все «новые таланты» принимал к себе и ласкал? – Именно так! Но причина этому не зависть, а разборчивость Пушкина в знакомстве, расположение его исключительно к людям порядочным...

Вообще, эта спекуляция, называемаяся «Портретного и биографическою галереею», исполнена духа и влияния тех журналов и «талантов», славою которых Пушкин *соблазнялся* и которым *завидовал*... Боже великий! если умершего Пушкина можно поносить именем *завистника*, чего же нельзя написать об обыкновенном литераторе, когда смерть лишит руку его возможности отвечать на клевету достойным ее образом?..

Сноски

1

Портрет Пушкина недурен, но портрет Брюллова и не похож и плохо сделан. – Замечательно, что даже в заглавии статьи, вместо *Пушкина*, является крупными литерами ПУТКИН!..

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

К 1840-м гг. К. Н. Батюшков, давно страдавший тяжелым психическим недугом, полностью отошел от литературы.

[^^^]

2

Неточная цитата из басни Крылова «Любопытный» (1814).

[^^^]

3

В цитатах здесь и далее курсив Белинского.

[^^^]

4

Пушкин сотрудничал в «Библиотеке для чтения» в 1834–1835 гг. (там он опубликовал, в частности, «Пиковую даму»), хотя, как справедливо отмечает Белинский, не сочувствовал направлению этого журнала. Что же касается взаимоотношений между журналами Пушкина и Сенковского, то они были более сложными, нежели считает критик. К 1836 г. активная неприязнь литераторов пушкинского круга к «Библиотеке для чтения» ни для кого не была секретом, а Гоголь и Одоевский открыто с ней враждовали. У Сенковского были все основания предполагать, что будущий журнал Пушкина поведет курс на окончательную дискредитацию его детища; в этих условиях редактор «Библиотеки для чтения», не дожидаясь появления первого тома «Со-

временника», предупреждал читателей о том, что новый журнал «учреждается нарочно против» него (см.: «Библиотека для чтения», 1836, т XV, отд. VI, с. 67). Опасения Сенковского оправдались: в первом томе «Современника» Гоголь выступил со статьей «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (см.: Гоголь, т. VIII, с. 156–176), где подверг «Библиотеку для чтения» резкой критике. В третьем томе «Современника» Пушкин напечатал написанное им самим «Письмо к издателю», в примечании к которому – уже от собственного имени – заявил, что статья Гоголя (она появилась без подписи) не является точным отражением взглядов издателя.

[^^^]

5

Определяя пушкинский журнал как издание, стоящее вне меркантильных интересов, Белинский тем самым характеризует «Современник» как предтечу обновленных «Отечественных записок».

[^^^]

6

Белинский преувеличивает успех «Современника»: если первые два тома были отпечатаны в количестве 2400 экземпляров, то тираж третьего тома снизился до 1200 экземпляров, а четвертого тома – до 900 экземпляров. «...Его (Пушкина) «Современник» был довольно холодно принят и в литературе и в публике» (Панаев, с. 141).

[^^^]

7

Имеется в виду статья Пушкина «Письмо к издателю «Литературных прибавлений» к «Русскому инвалиду» («Литературные прибавления», 1831, № 79).

[^^^]

8

К началу 1841 г. (времени написания рецензии) Гоголь уже несколько лет находился за границей, его новые произведения не появлялись. Лишь в конце 1841 г. был закончен первый том «Мертвых душ», появившийся в печати в 1842 г.

[^^^]

[^^^]